КРИТИКА И ПОЗИТИВНАЯ НАУКА. К ЭВОЛЮЦИИ МАРКСОВОЙ ТЕОРИИ

Г. Й. Зандкюлер

Некритическая восторженность и вызывающая отвращение полемика — таковы крайности в реакции на труд, который повлиял на научную и политическую культуру и запечатлелся в ней, как вряд ли какой-нибудь другой, начиная с XIX в.; труд, размах и теоретическое содержание которого мы считали познанными и который все еще ставит нас перед непростыми задачами описательной реконструкции, толкования и обоснования; труд, действительные размеры которого еще не определены и богатство которого идеями все яснее осознается нами только сейчас не в последнюю очередь потому, что его историко-критическое издание дает нам возможность гораздо более интенсивного вхождения в процесс его возникновения и развития, чем это могла позволить существовавшая до сих пор форма первоисточника. Речь идет о труде, который в ходе развития науки в буржуазном обществе возник, как кажется, в стороне от основного течения процесса научного познания, и тем не менее его оценка оказывается лишь соразмерной, если он характеризуется как открытие нового континента в атласе теорий и наук, если он воспринимается как великая альтернатива, которая уже почти 150 лет очаровывает интеллектуалов и увлекает социальные движения, стремящиеся к освобождению человека. Я говорю о труде Карла Маркса и Фридриха Энгельса, который, с одной стороны, обогатил историю науки новым пониманием требований научности и практической полезности науки (неся в себе совершенно оригинальный образ науки), с другой стороны, умножил и углубил расхождения, контрасты и противоречия в ансамбле научного знания. Все еще возможны новые подходы к нему, он актуален, допускает новые вопросы и требует новых ответов.

В основе исследовательской программы проходящих в Бремене симпозиумов лежала решимость подвергнуть анализу и определить с точки зрения истории и теории науки те предпосылки, которые делают теоретические основания научного социализма доступными рациональной проверке, открывают в нем перспективу научения (критики), свободного от предубеждений, и позволяют рассматривать полемический язык, поляризующий людей (по типу оппозиции друг—враг), как выражение бессмысленного отказа от прогресса познания. Конечно, мы не знали к моменту начала нашего исследования то, что мы знаем сегодня. Но вот что мы знали определенно: ни политически мотивированные прокля-

© H. J. Sandkühler, 1986.
© Перевод на русский язык В. Е. Просина, 1990

тия, ни традиционно мотивированная агиография не могут приблизить к труду, который историк науки открывает как незавершенный процесс становления и достижения зрелости. Поэтому не случайностью, а, напротив, замыслом исследования является наше обращение к самой Марксовой теории только в конце длинной цепи вопросов. Перечень наших вопросов был слишком обширным, чтобы все их можно было вызвать в памяти. Различные модели, объясняющие развитие науки, часто противоречащие друг другу объяснения возникновения теории, научно-социалистической по своей интенции, и сознание того, что ни работа над абстрактными моделями теорий, ни сугубо описательное, эмпирически неотступное следование историей науки той эпохе не привели бы к раскрытию внутритеоретических и социально-практических условий развития того, что Маркс и Энгельс и их современники называли «практическим материализмом» и «наукой об общей связи всего действительного», — все это должно было направлять наше исследование.

Как — спрашивали мы в диалоге дисциплин — возможно, что теории, которые возникали в буржуазном обществе, становились источником не- и антибуржуазного научного мировоззрения? Образуют ли классическая политическая экономия, философия и домарксистский социализм и коммунизм как теоретические и практические источники целостное единство; только ли это источники, или они продолжают действовать и как традиция? Является ли указание на эти «три источника» исчерпывающим, или можно проследить другие линии развития традиции? Не отсылают ли такие категории, как «развитие», «природа» и «закон», принадлежащие к сигнатурам Марксова труда, к естественным наукам как подсказывающим дальнейший ход развития теории? Удается ли понять те или иные аналитические объяснения и категориальные структуры упорядочения, экземплифицирующие понимание научности у Маркса, без привлечения истории математики? Как следует понимать то обстоятельство, что идея истории как закономерного процесса связывается одновременно и с идеей общественного развития как естественного процесса и с осознанием того, что мы, люди, сами творим свою историю по мере нашего освобождения от бессознательно испытываемых природных, социальных, экономических и политических принуждений? Кого или что объявляли предшествовавшие Марксу теории природы, истории и общества, права и государства субъектом исторического изменения?

Две следующие перспективы определили процесс исследования: перспектива сопряжения знания и отказ от препятствующей познанию дисциплинарной разделенности труда. Первая перспектива — открывающийся вид на внутреннюю связь: «критика» и «позитивная наука» — эти слова выражают отличающее Марксов труд единство всеобщей философской теории и эмпирического исследования. Спрашивается, как случилось, что при переходе от XVIII к XIX в. произошли партикуляризация созданного филосо-

фами разума и плюрализация философских понятий, таких как «действительность», «история», «познание», «человек»? Что означают историзация и эмпиризация того, что могло восприниматься Гегелем еще как «система знания», в процессе перехода к положительным эмпирическим наукам, внимание к опыту и методологические нормы которых вскоре были признаны общеобязательными, и уйти от их действия сознательно не хотел и Маркс? Это первая перспектива, которая слилась со второй, еще не ставшей в нынешней практике писания истории науки чем-то само собой разумеющимся: история науки без истории общества пуста; и: история общества без истории науки слепа. Здесь потребуется изощренность, которой может не оказаться у отдельного исследователя. И все же расстаться с культивируемыми из удобства схемами мышления легко, если поймешь последствия. Уже привыкли к тому, чтобы мыслить в простых дихотомиях типа «внутренние» (читай: когнитивные) и «внешние» (читай: общественные) условия развития науки; они бессмысленны, ибо заслоняют (взор на) единство действительности, которой мы обладаем только потому, что мы ее познаем, и которую познаем, лишь вмешиваясь в нее своей деятельностью. Теория и эмпирия, теория, эмпирия и практика — на постижение их внутренней связи нацелена наша программа исследований, от которых мы ожидаем разъяснений как относительно Марксовой теории, так и дальнейшего развития теории и методики истории науки.

Этими сжатыми пояснениями произведена частичная корреляция между прежними исследованиями и предстоящей программой. Для меня важно при этом направить внимание в первую очередь на вопрос о том, какие принципы следует (проявляя благоразумие) соблюдать, чтобы не ошибиться в научном типе Марксова труда. Последующие рассуждения имеют целью показать на двух примерах, что Марксовы категории, теории и его понимание метода развивались и изменялись и каким именно образом. Примерами являются «идеология» и «наука».

1. ПРИНЦИПЫ ПОНИМАНИЯ МАРКСОВОЙ ТЕОРИИ

Марксова теория принадлежит XIX столетию. Тривиально? Как фактическое высказывание оно правильно и неоспоримо. Спорно то, что оно означает и что из него следует. Историку науки, который ссылкой на XIX в. хотел бы присягнуть принципу Прошлое, осталось бы только недоумевать. Вместо этого ему, как на образец, можно было бы указать на Януса, одним ликом обращенного к Прошлому, другим — к Будущему. История (науки) только тогда откроет Развитие, когда Воспоминание соединится с идеей Возможного и Нового. Конечно, Маркс — представитель своего века. Историко-научный интерес, однако, должен был проявиться к нему потому, что как теоретик потребностей своего времени он был вместе с тем историком его Происхождения и его Будущего.

Научный социализм принадлежит — на это также надо обратить внимание, и снова в этом нет ничего тривиального — Марксу, не ему одному, но именно и ему. Данное высказывание налагает вето на давно устоявшийся способ выражения, в соответствии с которым какая-либо теория, наука, картина мира развивает-«ся». В языке исторического объективизма субъекты и носители развития науки выступают как дополняющие то, что они создают. Будь то социологические или биологические модели истории науки, все они отделяют когнитивные изменения от изменяющихся субъектов, индивидуумов, чтобы вслушаться в объективные теоретические структуры, словно они говорят сами за себя. История науки нуждается, конечно, в общих понятиях для описания общих тенденций и закономерностей, но вот чего она не смеет: стирать следы интеллектуальной субъективности, которые проявляются в еще-не-знании, в продвижении познания, в заблуждении и в самокоррекции. Прочтение познавательной и практической деятельности индивидуумов как включенной в ансамбли общественных отношений и с учетом естественноисторической обусловленности необходимо, но этого недостаточно. Индивидуумы, чья деятельность порождает объекты истории науки, не являются ни марионетками в грандиозном мировом театре традиции, ни переменными, зависящими от природных констант, ни функционерами общественных структур. Что нужно истории науки, так это понятие личной когнитивной вменяемости, понятие ученого и понятие интеллектуала. Я отстаиваю не замену структурной истории историей биографической — я выступаю против того обезличивания достижений познания, которое есть признак всякого редукционизма, а также вульгарно-материалистического социологизма и экономизма. Я сознательно защищаю — по поводу Маркса и вслед за Марксом — историю науки, в которой свобода и необходимость в познавательном процессе исследуются как наличествующие в интенциональных актах ученых, в которой субъективность, а также социальные, экономические, политические и культурные детерминанты, накопление знания и его утрата — подавлением, сожжением и изгнанием альтернатив, — наконец, в которой истина и заблуждение, единство и множественность наблюдаются и объясняются. Только такая история науки приобретает основу для своих суждений и критики [1].

Детерминированность и свобода познания, репродуцирование и продуцирование действительности в познании, традиция и автономность в движении науки, ориентация на эмпирически данное и на предзаданную цель — все это вместе образует сплетение, кажущийся хаос которого история науки может представить как структурированную общую связь. Познавательная и практическая деятельность субъектов создания теории протекает в многослойной системе отношений этого мира и мира знания, элементы которой должны аналитически различаться, но не отрываться друг от друга. Познавательная деятельность интегрирована в другие формы общественной деятельности — социальные, экономические,

политические, культурные; другими словами, она обобществлена. История науки поэтому будет соотносить свои объекты исследования с теми общественными отношениями, в которых развиваются теории и теоретические отношения. Выстраиваются две перспективы: «индивидуальность» и «общество» — я обречен на противоречие? Нет, это только кажется так. Потому что в формах обобществления социальной организации науки осуществляется то особое обобществление научного духа, которое соразмерно личности и носит имя Индивидуации. Возникновение теорий имеет общественный характер; с чертами Истории и профилем Реальности, они — зеркало будущих устремлений; и все же они никогда не являются конгруэнтным выражением всей социальной действительности; они, пусть не единственное, но выражение неповторимости общественного индивидуума. Я так проникновенно говорю об этой третьей, важной для истории науки перспективе потому, что и литература о Марксе часто колеблется между крайностями субъективистских и объективистских недоразумений: одни называют Маркса гением и плохо представляют себе, что же делать с рабочим движением, без которого, конечно, Маркс не смог бы развернуть своей теории; другие трактуют Маркса только как «выражение» исторически существовавших отношений и не могут ощутить величие его научного труда.

Есть еще одна, четвертая проблема, тесно связанная с предыдущими. Нередко в споре о Марксе оппоненты разрывают связь (которую Маркс сам трактовал как д и а л е к т и к у), чтобы причислить его к одной «стороне». Непроизвольно они исходят из привычной установки, что мир науки расколот надвое, на буржуазную и пролетарскую части, и что соответствующие «две науки» находятся в разных изоляторах. Но как раз Марксов труд может открыть нам глаза, демонстрируя непокорное мышление, которое также (и прежде всего оно, не довольствующееся ни эмпиристским дублированием статус-кво, ни утопистским прыжком за пределы действительности) не существует в анклавах. Маркс был теоретиком буржуазного общества, и только предприняв анализ тотальности его противоречий теория могла стать революционной. Социалистическую направленность своей научной деятельности Маркс никогда не объяснял иначе как непосредственным отношением своего анализа к действительности. Другими словами, вхождение во всю полноту противоречий есть существенный признак Марксовой диалектики. Это вхождение не навязывает роль безвольной жертвы традиции и современности, но может быть осознанно произведено как контролируемый процесс. Именно эта осознанность отличает отношение Маркса к истории и к современному ему обществу, к историко-научной традиции и к новому научному знанию, учась которому он знал, как контролировать себя. Сегодня, пожалуй, может удивить, как непредвзято Маркс относился к классической политэкономии и философии и к наукам о природе. Его понятие «критики» соответствует этому отношению, имеющему как познавательное, так и этическое значение.

Марксу открыт и широкий смысл критики, связанный с философским происхождением этого понятия: критика есть выяснение (исходя из оснований) того, что (и как) нечто возможно; критика достигает причинных взаимосвязей, критика есть прояснение. Достоинство концепции Маркса состоит в том, что появляется возможность объяснить содержание и формы мышления как в когнитивном плане, так и с точки зрения общественной практики и избежать, таким образом, позитивистской и механицистской редукции; но ей предшествует также экстериоризация значения критики: условия познания и общественной практики находятся во взаимной связи; революция и эмансипация предполагают критику как теоретическое и как практическое действие. Основой такого понимания критики является идея диалектического противоречия, которое как трансцендирующее всеобщее есть условие существования как критикуемого, так и критики. Поэтому только немногие элементы научного знания Маркс отверг(ал) в идеологической критике как «буржуазные», и «буржуазность» имела точное, определенное политэкономией значение: из процесса создания теории исключаются массивы знания со специфически классовой буржуазной идеологической функцией — они, и только они. Скромность, с какой Маркс мог оценивать свой вклад в развитие науки (непременно со ссылкой на предшественников и современников), не была наигранной. Новое, к которому подступала теория в новых формах отношения теории, эмпирии и научного и политического действия, пребывало, как постигнул Маркс, в диалектике истории, истории познания и науки.

Эти четыре эскизных замечания о принципах истории науки должны были пояснить и в то же время указать на то, что можно привести теперь к общему знаменателю: исследование Маркса должно иметь дело с историческим, индивидуально оформленным и общественно обусловленным (и протекающим как общественный) п р о ц е с с о м развития теории, который не может быть объяснен иначе, как с помощью категорий и методов диалектики. Примеры, к которым я теперь перехожу, могут служить тому подтверждением. Они позволяют увидеть в Марксе человека, который обретал знания и опыт в конкретной научной и социально-политической среде, не иммунизировал однажды достигнутый уровень теории по отношению к новому знанию и новому опыту, он учился и отвергал, критиковал и исправлял; в этих примерах перед нами предстает тот Маркс, в становлении теории которого имелось начало и лишь позднее завершение. В них обнаруживается тенденция, допускающая обобщение: поскольку рано уже интендированная научная революция не могла прибегнуть к призрачной защите экстерриториальности (как в случае Вильгельма Вейтлинга и рабоче-коммунистического понятия пролетарской науки) и укрыться в анклаве посольства государства будущего, постольку Марксова теория несет в своих началах черты духовной культуры своего времени; критическая интенция не мешает ей говорить на языке своей научной и политической эпохи. И только

все интенсивнее опосредуя все экстенсивнее разрабатываемую эмпирию общей теорией, взрывает Марксов труд первоначальные границы сознания и языка.

2. ИДЕОЛОГИЯ

Очевидно, что Маркс позднее смог точно описать проблемную ситуацию, которой он (как следствие того, что я назвал вхождением в диалектику истории) не мог не воздать должное в ранние, 1840-е годы. Понятие «идеология» и Марксова критика идеологии представляют собой нравоучительную пьесу из истории науки, в которой Забвение и спонтанная Адаптация к бытующим стилям мышления или языка играют главные роли. Ничто в этом раннем Марксовом обращении с «идеологией» пока не выдает ни происхождения, ни истории этого понятия.

Вспомним вкратце предыдущее действие. «Idéologie» под конец XVIII в. обозначала теорию познания, почти не уступающую в ранге трансцендентальной философии Канта. «Idéologie» была тогда именем не для форм сознания, а для теории и метода их исследования. Жорж Кангилем так описал трансформацию учения о познании в концепт (для) критики — слегка огрубленно, но верно в своей тенденции: «Идеология, обозначавшая сначала естественную науку о приобретении человеком идей, копирующих действительность, означает отныне всякую систему идей, которая возникает как порождение ситуации, с самого начала обреченной на то, чтобы не видеть своего действительного отношения к действительному» [2]. Кангилем вспоминает (чего почти никто не делает) об Антуане-Луи-Клоде Дестюте де Траси, одном из великих неизвестных истории науки, 150-я годовщина смерти которого в 1986 г. вряд ли станет поводом для признания. В пятитомном, вышедшем в свет между 1801 и 1815 гг. труде Дестюта де Траси «Eléments d'Idéologie» представлена — в последовательности: «Идеология в собственном смысле», «Грамматика», «Логика» и политическая экономия — систематическая теория, в которой произошло скрещивание учения Кондильяка о языке, физиологии того времени и критического настроя энциклопедистов с целями просвещения народа и институционализации научной рациональности в «Institut national des sciences et des arts» (III (1795) год Революции). Принципы «Idéologie», которая надстраивается над зоологией и должна, как новая наука, венчать иерархию наук, являются, конечно, сенсуалистически ограниченными. Но не это нас здесь интересует [3]. Наука «Idéologie» пошла прахом, оказавшись в сфере антипросветительских политических интересов, а что осталось, было прошлым — порочащее понятие в руках тех, кто (тогда и потом) предчувствовал в критически настроенных интеллектуалах опасность для стабильности политических систем, искал «козла отпущения» и дискредитировал идеи, объявляя их грезами, и, будучи политиками идей, не мог быть заинтересован

в критике идей, способно обнажить суть обличительной критики (в адрес) идей. Между 1800 г. и европейскими реставрациями после 1830 г. смысл (понятия) «Idéologie» изменился радикально. Даже сегодняшний историко-теоретический штамп — «школа идеологов» Траси и Кабаниса — дань извращению первоначального стремления тех, кто не носил имя «Idéologues», а выступал как (в качестве) «Idéologistes», т. е. именно как идео-логики.

Переоблачение термина (теории) «Idéologie» удалось Наполеону, для которого критики в познании становились обременительными (после того как он сначала прошел их школу) — обременительными в качестве последовательных просветителей народа. На VIII году Республики (1800) Наполеон, консолидируя власть, обратился против «Idéologues», чей антиклерикальный дух мешал сближению государства с христианской религией и церковью [4].

В 1801 г. он назвал их «ветрогонами и идеологами, которые всегда боролись против существующих авторитетов» [5]. В 1808 г. в Эрфурте он предостерег от «философов, которые томятся над созданием систем; они напрасно будут искать нечто лучшее, чем христианство, которое, примиряя человека с самим собой, хранит общественный порядок и мир государств. Ваши идеологи разрушают все иллюзии, а время иллюзий для отдельных людей, как и для народов, — время счастья» [6]. И далее: «Все зло следует приписать идеологии, этой темной метафизике, которая — остроумная в поисках первопричин — хочет основать на их фундаменте законодательство народов, вместо того чтобы законы привести в согласие со знанием о человеческом сердце и с тем, чему учит история» [7].

Новое понятие — понятие идеологии — соединяет различные элементы, которые, вместе или порознь, выполняют антикритическую функцию: идеологии «нереалистичны», идеологи — «чужды действительности»; в этом смысле прусский премьер-министр фон Мантойфель мог считать свою идиоматику понятной, когда после 1848 г. так охарактеризовал «немецких идеологов»: они «наперед внушают себе свои идеи, упорствуют в них и бьются головой о стенку» [8]. Слово «идеологи» приобрело еще один оттенок — идеализм в сформулированном позднее Тэном смысле: «Их зовут именно потому идеологами, что они полагаются на идеи, а не на факты» [9]. Третье значение ввел уже Гегель в своих «Лекциях по истории философии»: в рамках проникшей во Францию традиции шотландской философии двигаются «от фактов сознания через посредство выстроенных рассуждений и опыта к дальнейшему развитию. Сюда примыкает то, что французы называют идеологией; абстрактная метафизика, это перечисление, анализирование простейших определений мысли. Они трактуются не диалектически; просто из нашей рефлексии, из наших мыслей заимствуется материал, и в нем раскрываются определения, которые там содержатся» [10].

Нельзя не заметить, что эти элементы значения интерферируют к тому времени, когда Маркс и Энгельс начинают критиковать

(еще не идеологии, как позднее, а) «идеологов». Знали ли они сами, что говорят, одаряя этим предосудительным понятием «немецких идеологов»? Здесь несколько соображений. Маркс перенимает как само собой разумеющееся уничижительное обиходное значение «идеологии» и «идеологов». Неожиданно, как нечто экзотическое и совершенно невпопад, в 1841 в его диссертации по истории античной натурфилософии — предложение: «Не в идеологии и пустых гипотезах нуждается наша жизнь, а в том, чтобы мы могли жить, не зная смятения» [11]. И кто сомневается, может убедиться, что Маркс в конце 1842 г. в «Рейнской газете» недвусмысленно связывает это слово с указанием на Наполеона [12]. Еще раз оно упоминается в начале 1843 г. в иронично-насмешливом: «Не будем же опрометчивыми, возьмем мир таким, как он есть, не будем идеологами» [13]. Можно не добавлять, что демократ Маркс не имеет в виду импликаты наполеоновской критики (посвященной идеологам), коль скоро пользуется его понятием как еще теоретически не переформулированным концептом политико-идеологической культуры своего времени.

Но не должен ли тот, кто ссылается на Наполеона, знать, к кому относились его обличения? Маркс знает это и в то же время не знает. «Eléments d'Idéologie» Дестюта де Траси вновь и вновь вовлекаются в общий ход Марксова исследования в качестве источника — источника политической экономии, но не критики познания и идеологии. Даже цитирование заглавия не смогло ввести Маркса в соблазн рефлексии над термином «Idéologie». В качестве источника у него фигурирует только четвертый том — «Traité de la volonté et de ses effets» (P., 1826). Для «Немецкой идеологии» Дестют де Траси 1845/46 г. — апологет частной собственности [14], Марксов «Капитал» видит в нем «хладнокровного буржуазного доктринера» [15]. Даже там, где «Капитал» решительно приступает к критике «мистического тумана» ложного сознания и именно в этом контексте указывает на Дестюта де Траси, отсутствует долгожданная ссылка [16]. Этот пример означает больше, нежели простой урок: оказывается, и Маркс мог пропускать нечто важное. В нем можно усмотреть две следующие вещи. Первая касается фигуры Фридриха Энгельса, на которую Маркс интерпретаторов отбрасывает часто слишком могущественную тень. Вторая касается роли научного анализа в самокоррекциях Марксовой теории.

Если поставлен вопрос о влияниях, испытав которые Маркс и Энгельс стали размышлять о формах сознания и носителях сознания, то должно быть названо имя, которое, по причине очевидно все еще существующей односторонности в оценке источников научного социализма и предпочтительного внимания к немецкой, главным образом Гегелевой, философии, произносится слишком редко. Я говорю о Шарле Фурье. Лишь упоминая Фурье, можно устранить недоразумение, будто критика немецких идеологов мыслилась когда-либо Марксом и Энгельсом как принципиальная критика философского порядка. Уже их первое совместное

сочинение — появившееся в 1844 г. «Святое семейство» — обнаруживает особенно заметное в «Немецкой идеологии» влияние Энгельсовой рецепции Фурье на мышление Маркса и на его высвобождение из гегельянских пут. Знаменитое высказывание о посрамлении идей, которые отрекаются от интересов, восходит прямо к Фурье: историческую иллюзию совпадения идеи и человеческого интереса как такового разбивает уже Фурье [17]. Принадлежащая Фурье критика «philosophes», скомпрометировавших себя во французской революции, находит у Энгельса — он цитирует соответствующие пассажи «Théorie des quatre mouvements» — полное одобрение [18]. Философы думают, что достаточно изменять одно только сознание; это заставляет их ограничиться тем, чтобы иначе интерпретировать существующее, т. е. признавать его посредством другой интерпретации [19]. Нужно ли теперь тем, кто еще полагает, что на Марксе можно подвести итог философии, специально объяснять, что философами, о которых говорится в 11-м тезисе Маркса о Фейербахе, были как раз те «философы»? Иск эмпирии и фактов против философов, красноречивым защитником которого явился Энгельс, получает здесь свое оправдание. Тенденция к эмпиризации материалистической теории общества и истории направлена — что хотелось бы подчеркнуть уже здесь — не против философии, всеобщее номологическое знание которой остается для Маркса и Энгельса неприкосновенным.

«Немецкая идеология» показывает, что (и как) расширение научного знания у Маркса ведет ко все большей автономности при создании теории. Это второе, что явствует из примера, приведенного чуть выше. Марксово неведение относительно языкового и естественнонаучного происхождения идеологии компенсируется все более глубоким овладением и критикой политической экономии. В контексте высказываний об общественном бытии и сознании и о сравниваемых с camera obscura механизмах формирования идеологического сознания — по мере проникновения (конечно еще неглубокого) в способы производства и их исторического превращения — удается сформулировать новое определение «идеологии» и «идеологов». «Идеология» означает теперь общественно необходимую бутафорию (Schein), а «концептивные идеологи» какого-либо общества определяются согласно своей функции продуцировать эту бутафорию [20]. Последующие этапы развития здесь нет возможности описывать подробно. Ясно, что свое понятие идеологии Маркс дифференцировал сообразно успехам своего политико-экономического анализа и в зависимости от расширения эмпирического базиса теории, чтобы наконец заменить полемическое словоупотребление «идеологии» научным термином. Если уже в работе «Предисловие. „К критике политической экономии“» 1859 г. «идеологические формы» являются выражением диалектики «отношения капитала», «в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение» [21], то «Теории прибавочной стоимости» (в рукописи 1861—1863 гг.) усиливают структурно-аналитическое значение понятия идеологии.

Маркс затрагивает здесь проблему «старых идеологических сословий» («ученые, магистры, попы») [22] и отбрасывает допущение, что «антагонизмы в области материального производства делают необходимой надстройку из идеологических сословий, деятельность которых, — хороша ли она или дурна, — хороша потому, что необходима» [23]. Но сначала он вводит в набросках 1861/63 г. к «Капиталу» различение, в свете которого докритическое обиходное употребление слова «идеология» ретроспективно кажется почти невероятным, а бесчисленные современные теории идеологии, с другой стороны, оказываются достаточно ограниченными. Маркс различает теперь идеологию и свободное духовное производство; он говорит об основе, «из которой только и возможно понять как идеологические составные части господствующего класса, так и свободное духовное производство данной общественной формации» [24]. В соответствии с этим следует заметить, что здесь проступает концепция, которая, с одной стороны, не объявляет преждевременно «идеологию» синонимом «ложного сознания», а вопрошает о гегемониальных функциях, которые выполняют идеологии, будучи насыщенными реальностью; с другой стороны, — концепция, имеющая своим следствием (в результате анализа диалектики буржуазного общества), что при господстве капитала (и в толще механизмов фетишизации сознания) свободная духовная деятельность также возможна. Этим Маркс сформулировал существенную предпосылку для своей теории общественной обусловленности и общественной функции науки. Конечным результатом станет выработка им критериев для оценки функции науки в движении капитала и норм научности для не-капиталистической теоретической альтернативы, материалистической диалектики.

3. НАУКА

Понятие и образ науки у Маркса развились в ходе длительного процесса, а формирование Марксовой теории науки образует элемент всеобщего процесса, в котором, на основе конституирования пролетариата как класса, а также на основе связанного с этим возникновения нового антагонизма классов и развития политического движения рабочих, в буржуазном обществе значительно изменяются как статус, так и функции науки [25]. Вторжения Маркса в это развитие заключаются: 1) в критике идеологических функций наук, например политической экономии, а также идеалистической и механически-материалистической философии; 2) в интеграции процесса построения теории в политику рабочего движения, которое вместе с «Коммунистическим манифестом», напр., получает свой первый исторически и политико-экономически обоснованный свод программных положений; 3) в активном неприятии рабоче-коммунистической пропаганды некоей обособленной пролетарской науки и ей соответствующей, неверной оценки действи-

тельных и потенциальных достижений науки и технологии; 4) в политической экономии производительной силы, соответствующей функции прежде всего естествознания и технологии, и 5) в раздвижении границ образа, теории науки и самой науки.

Здесь невозможно представить все этапы этого развития. Я ограничусь поэтому выделением некоторых аспектов, которые — как и в случае с «идеологией» — позволят убедиться в очевидности факта развития Марксовой теории [26].

Внимания заслуживает в первую очередь изменение способа понимания науки, образа науки. Оно совершается в поле напряжения, создающемся традицией, вхождением в опыт минувших поколений, критикой и автономизацией. Маркс никогда не порывает с традицией, значение которой он историко-генетически понимает как квинтэссенцию истории человеческого познания, а экономически — в определениях типа: наука — общая работа, предоставляющая и знание мертвых в целях экономии. Но, получая возможность с дальнейшей аппроприацией исторического, историко-научного и политико-экономического знания анализировать социальное происхождение и функцию науки и преодолевая прежде всего эмфатические, а также морализирующие формы критики, Маркс настаивает на автономности науки в рамках проекта освобождения человечества, научного социализма. Не в последнюю очередь им руководит здесь то, что причина поражений рабочего движения виделась в недостаточной автономности пролетарских социалистических и коммунистических организаций. Образ науки, кроме того, задан осознанием наличия исторической необходимости в раскрытии производительных сил науки и технологии в буржуазном обществе, без зрелости которого идея революции оставалась бы утопичной. Эта точка зрения, долго не понимавшаяся и политическими лидерами пролетарского движения и часто подвергавшаяся нападкам как абстрактный интеллектуализм и сциентизм, вылилась у Маркса в результате его занятий историей технологии, естественными науками и политической экономией капитализма в систематическую теорию общественного бытия, а функция науки стала центральным моментом образа науки. Существенно и то, что Маркс, несмотря на действительную включенность научной деятельности в сферу доминирующих интересов буржуазного общества, открыл и обосновал возможность когнитивной и практической альтернативы в науке. Он сформулировал ее сначала как регулятивную идею, затем выразил как политическое требование и, наконец, на примере Парижской коммуны представил как конкретную возможность и предвосхищенную реальность [27].

По своему значению для изменений в теоретическом понимании науки можно выделить два следующих момента: во-первых, уже в середине 1840-х годов Маркс отказался от фейербахианских взглядов на науку, еще накладывавших отпечаток на парижские «Экономическо-философские рукописи» (1844) периода изгнания. Предложения типа «*Чувственность* (см. Фейербаха) должна

быть основой всей науки» [28] и соответствующие антропологическо-материалистические определения естествознания оказываются теоретически и методологически неприемлемыми. Вместе с собственной критикой сенсуалистическо-материалистических предпосылок изменяется (с логической последовательностью) и понимание отношения между критикой и научной позитивностью. Конституируясь в качестве материалистического понимания истории [29], — т. е. в процессе перерастания критики спекулятивной идеалистической философии в критику политики и (политической) экономии [30], — диалектическая теория действительности еще эмфатически подвержена влиянию допущения, что предпосылки любой теории «можно установить чисто эмпирическим путем» [31]. Однако намеченная — к этому времени главным образом как политико-идеологическая стратегия против «философов» и позиции «реформы сознания» — критика философии и защита эмпирии, как это представлено в «Немецкой идеологии» (1845/46), оказываются вскоре проблематичными. С одной стороны, «превращенные» формы сознания и массовая бессознательность пролетариев, опыт страданий которых не спонтанно «чувственно» ведет к постижению сущностных причин кризиса буржуазного общества, — достаточное основание для отказа от эмпирических гипотез о простой адекватности общественного бытия и сознания. С другой стороны, усилия «Критики политической экономии» побуждают не к нарративному удвоению множественности поверхностных явлений капитализма, а к отображению ее в контексте всеобщей диалектической теории развития структур в перспективе «всеохватывающих» закономерностей производства и воспроизводства, к методологическим метавопросам теории общества и к рефлексии над их логико-научным статусом. Эпистемологические рефлексии, которые по своей логической форме могут быть охарактеризованы как трансцендентальные обоснования, дважды обращаются к «общественности» («Gesellschaftlichkeit») как к fundamentum in re. Во-первых, Маркс во «Введении» к «Наброску к „Критике политической экономии“» (1857—1858) приходит к мысли: «Производство производит. . . не только предмет для субъекта, но также и субъект для предмета» [32]. Во-вторых, из этого следует обостренное чутье к условиям научного построения теории: «И при теоретическом методе. . . субъект, общество, должен постоянно витать в нашем представлении как предпосылка» [33]. Категории экономической теории отсылают к конкретным историческим формам этого субъекта. Теория уже не может обойтись без саморефлектирующих форм логико-методологического анализа, если она не хочет воспроизводить видимость. Понятие научного эмпиризма означает, в частности, что эмпиризм как метод должен не-эмпирически проникать сквозь эмпирию референциальной поверхности «действительность». Поэтому «Капитал» как эмпирический — что значит теперь: методологически рефлектируемый и «логически» (диалектически) историческую действительность реконструирующий — труд формулирует: «Всякая наука была бы излишней,

если бы форма явления и сущность вещей непосредственно совпадали» [34]. Вместе с выводом: «Это дело науки — видимое, только являющееся движение сводить к внутреннему действительному движению» [35]. Ф. Энгельс уже прояснил этот эмпирически-неэмпирический статус Марксовой теории в своей рецензии на труд Маркса «К критике политической экономии» 1859 г.: «Политическая экономия имеет дело не с вещами, а с отношениями... эти отношения всегда *связаны с вещами* и *проявляются как вещи*» [36].

И если эмпирия, с одной стороны, в результате трансцендентальной рефлексии над условиями ее возможности становится теперь доступной для «критики», то теория, с другой стороны, во встречном логико-научном движении становится (или остается) эмпиричной потому, что она не конструируется как «непреложная система». Вторым формообразующим моментом в создании теории оказывается сквозная критика Марксом требования — будь оно гегельянским или же вейтлингиански антифилософским [37], — что наука должна быть универсальной системой. Три аргумента определяют умонастроение Маркса в его системо-критике: аргумент логики науки, согласно которому в системах превалируют нормативные положения, лишенные эмпирического базиса; аргумент диалектичности и незавершенности процесса познания, принадлежащий философии науки; и, наконец, аргумент, вынесенный из политического опыта со времен конфронтации с «немецкими идеологами» и разногласий в «Союзе коммунистов»: ни филантропические философские системы, ни замкнутые политические картины будущего не могут охватить действительные условия, объективные возможности революции. Напротив, констатирует Маркс в 1860 г., только «критическое проникновение в условия, ход и всеобщие результаты действительного общественного движения» [38] приводит к революционному реализму. В 1879—1880 гг. Маркс утверждает, что он «никогда не выставлял некую „*социалистическую систему*“» [39]. И если все же с Марксовой политэкономией возникает аналитическая теория с универсальным системологическим притязанием, то причина этого не в системо-созидании, а в антиэмпиристском понятии эмпирии [40] и в анти-позитивистском понимании «позитивной науки». Начиная с критики философов-идеологов и отказа от аналитически пустого эмпиризма филантропически мотивированных описаний пауперизма, воспроизводивших реальность нетеоретично, Маркс сосредоточился на теоретическом овладении прежде всего технологическим опытным знанием и эмпирическим базисом наук. История общественных формаций, история буржуазного общества в особенности, подводит к (историко-)научным исследованиям, в которых наука и технология рассматриваются как моменты (исторического) процесса, интегрированные в обществе и интегрирующие это общество. Все разделы экономического учения Маркса, посвященные анализу относительной прибавочной стоимости, испещрены определениями, касающимися происхождения, функции и будущего науки как общественной производительной силы. В подробнейшем исследовании «Ма-

шинерия. Применение природных сил и науки», каким оно предстает перед нами в рукописях 1861—1863 гг.[41], Маркс уже эмпирически обосновывает результат, который в «Наброске...» 1858 г. был обобщенно-теоретически зафиксирован так: «Действительная экономия — сбережение — состоит в сбережении рабочего времени (минимум — и сведение к минимуму издержек — производства). Но это сбережение тождественно с развитием производительной силы. Следовательно — отнюдь не *отказ от потребления*, а развитие производительной силы, развитие способностей к производству и поэтому развитие как способностей к потреблению, так и средств потребления. Способность к потреблению является условием потребления, является, стало быть, первейшим средством для потребления, и эта способность представляет собой развитие некоего индивидуального задатка, некоей производительной силы.

Сбережение рабочего времени равносильно увеличению свободного времени, т. е. времени для того полного развития индивида, которое само, в свою очередь, как величайшая производительная сила обратно воздействует на производительную силу труда. С точки зрения непосредственного процесса производства сбережение рабочего времени можно рассматривать как производство *основного капитала*, причем этим основным капиталом является сам человек.

Впрочем, само собой разумеется, что само непосредственное рабочее время не может оставаться в положении абстрактной противоположности к свободному времени, как это представляется с точки зрения буржуазной политической экономии. Труд не может стать игрой, как того хочет Фурье, за которым остается та великая заслуга, что он объявил конечной целью преобразование в более высокую форму не распределения, а самого способа производства. Свободное время — представляющее собой как досуг, так и время для более возвышенной деятельности — разумеется, превращает того, кто им обладает, в иного субъекта, и в качестве этого иного субъекта он и вступает затем в непосредственный процесс производства. По отношению к формирующемуся человеку этот непосредственный процесс производства вместе с тем является школой дисциплины, а по отношению к человеку сложившемуся, в голове которого закреплены накопленные обществом знания, он представляет собой применение [знаний], экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощающуюся науку. И для того, и для другого процесс производства вместе с тем является физическим упражнением, поскольку труд требует практического приложения рук и свободного движения, как в земледелии» [42].

Форма эмпирического подтверждения этого факта, вновь актуализирующего прежнюю теоретико-историческую тематику человеческого отчуждения и самоотчуждения, является формой историко-генетического воспроизведения процесса интеграции знания и науки в материальный процесс производства и воспроизводства и его историческим объяснением. Эмпирия представляет собой

процесс, в котором отношения возникают и изменяются. В тексте рукописей 1861—1863 гг. Маркс так изображает этот процесс: «Применение *природных агентов* — в известной степени включение их в состав капитала — совпадает с развитием *науки* как самостоятельного фактора процесса производства. Если процесс производства становится *применением науки*, то наука, наоборот, становится фактором, так сказать, функцией процесса производства. Каждое открытие становится основой для нового изобретения или для новых усовершенствованных методов производства. Только капиталистический способ производства впервые ставит естественные науки на службу непосредственному процессу производства, в то время как, наоборот, развитие производства предоставляет средства для теоретического покорения природы. Наука получает призвание быть средством производства богатства, средством обогащения.

Только при этом способе производства впервые возникают такие практические проблемы, которые могут быть разрешены лишь научным путем. Только теперь опыт и наблюдения — и настоятельные потребности самого процесса производства — впервые достигли такого масштаба, который допускает и делает необходимым применение науки. Имеет место *эксплуатация науки*, теоретического прогресса человечества. Капитал не создает науки, но он эксплуатирует ее, присваивает ее для нужд процесса производства. Тем самым одновременно происходит *отделение науки как науки, примененной* к производству, от *непосредственного труда*, в то время как на прежних ступенях производства ограниченный объем знаний и опыта был непосредственно связан с самим трудом, не развивался в качестве отделенной от него самостоятельной силы и поэтому в целом никогда не выходил за пределы традиционно пополняемого и лишь очень медленно и понемногу расширяемого собирания рецептов. (Эмпирическое овладение тайнами каждого ремесла.) Рука и голова не были отделены друг от друга. . .

Наука выступает как *чуждая, враждебная* по отношению к труду и *господствующая* над ним *сила*, а ее применение — с одной стороны, концентрация, с другой стороны, развитие в науку (для анализа процесса производства) традиционных сведений, наблюдений, профессиональных секретов, полученных экспериментальным путем, — это ее применение в качестве применения естественных наук к материальному процессу производства точно так же покоится на отделении духовных потенций этого процесса от знаний, сведений и умения отдельного рабочего, как концентрация и развитие [материальных] условий производства и их превращение в капитал покоятся на лишении рабочего этих условий, на отделении его от них. Более того, работа на фабрике оставляет рабочему лишь знание некоторых приемов; поэтому вместе с распространением фабричного труда и были отменены законы об ученичестве, а борьба государства и т. д. за то, чтобы фабричные дети, по крайней мере, учились писать и читать, показывает, как

упомянутое применение науки к процессу производства совпадает с подавлением всякого умственного развития в ходе этого процесса. Правда, при этом образуется небольшая группа рабочих более высокой квалификации, однако их число не идет ни в какое сравнение с массой «лишенных знаний» рабочих.

С другой стороны, ясны также следующие обстоятельства: Развитие самих естественных наук {а они образуют основу всякого знания}, так же как и всякого знания, имеющего отношение к процессу производства, само происходит опять-таки на основе капиталистического производства, которое в значительной степени впервые создает для естественных наук материальные средства исследования, наблюдения, экспериментирования. Люди науки — поскольку естественные науки используются капиталом в качестве средства обогащения и таким путем сами становятся средством обогащения для тех, кто развивает науку, — конкурируют друг с другом в поисках *практических применений* этих наук. С другой стороны, *изобретение* становится особой профессией. Поэтому вместе с распространением капиталистического производства *научный фактор* впервые сознательно и широко развивается, применяется и вызывается к жизни в таких масштабах, о которых предшествующие эпохи не имели никакого понятия» [43].

Дальнейшее сравнение с изменившимся способом аргументации, в ткани которого эта ситуация снова возникает в «Капитале» в 1867 г., подводит к выводу, что там Маркс решает оставить систематологическую претензию, которая уступает место еще более насыщенному эмпирическому изложению «Машинерии и крупной промышленности» (13-я глава). Но на всех стадиях развития теории существенно то, что Маркс проводит историко-эмпирическое исследование не ради него самого; оно важно для анализа отношения капитала как отношения классов [44], имеет значение для судьбы „лишенных знаний" рабочих», стремится к познанию реальности как предпосылке преобразования действительности в такую, в которой и наука будет свободна: «Мы знаем, что новые силы общества, чтобы наконец начать действовать надлежащим образом, нуждаются только в новых людях, которые овладеют ими, и это — рабочие» [45]. Теория приобретает свою прогностическую силу, конечно, не одним только выдвижением «альтернативы»; критикой условий возможного она станет лишь в качестве позитивной науки.

Устанавливается все более интенсивная связь трех моментов: критики Происхождения и Существующего, позитивно-научного фундирования критики, критики Нового и Будущего как перспективы позитивной науки. И здесь особого внимания заслуживают Марксовы историко-технологические, естественнонаучные и математические штудии, начинающиеся рано, уже в середине 1840-х годов, и поглощающие все больше и больше времени. Их путеводное значение для развития научного социализма до сих пор не оценено по достоинству; они остались в тени приоритетных

исследовательских интересов в области философии и политической экономии [46]. Исключительная роль научного знания для развитого Марксом нового типа рациональности и теории в науке продиктована, с одной стороны, его принципиально историческим, с другой — его не менее фундаментальным диалектическим пониманием науки, а в основе этого, в свою очередь, лежит диалектическое понимание действительности. Упор на эмпирию как на обязательный фундамент диалектики преследует цель: не потерять действительность — историческую и общественную и таковую науки — в построениях, которые абстрактно-всеобщими категориями разрушают своеобразие различных способов бытия действительного. Выражением этого стремления является резкая критика, с которой Маркс выступил против всевозможных попыток «подвести» историю «под один-единственный великий закон природы» [47].

Историзация и эмпиризация понятий теории и науки в контексте Марксовой диалектики означают постепенное осуществление его ранней концепции «критики». Заявленная в 1840-х годах «profane Kritik» [48] провидела соединение оружия критики и критики оружия; то, что теоретическая критика и критика отношений не одно и то же, Маркс не мог упустить из виду. Он прекрасно понимал, что политическое существование интеллектуала ценой прекращения научных изысканий невозможно, и его годами длившийся отход от политических акций рабочего движения после кельнского процесса коммунистов и до начала 1850-х годов, связанный с интенсивными научными занятиями и историко-политической публицистикой, не отдалил его от тех, к становлению сознания и освобождению которых стремилась теория.

Трезвый, тщательно избегающий всякой эмфазы и каких бы то ни было утопистских нормативных предписаний анализ действительных условий эмансипации — в нем состояла интенция Маркса, и в нем заключается его достижение.

Критика и позитивная наука? Мы можем этим заголовком обозначить две вещи: процесс достижения зрелости Марксовой теорией и ее двойную функцию, которой Кантова критика еще, а Контова позитивная наука уже не знали: критическое проникновение (das Eingreifen) в действительность на прочном фундаменте понимания (des Begreifens) действительности. Критика могла выявить условия возможного освобождения, а позитивность науки подразумевала все что угодно, но не признание существующего эмпиристским описанием. В зрелом Марксовом труде критика и позитивная наука достигли единства.

Заключительным тропом своего «Предисловия. „К критике политической экономии“» 1859 г., в котором он дал отчет о движении своей науки, должен Маркс, отдающий со своей стороны последнее слово Данте, закончить все повествование: «. . .мои взгляды, как бы о них ни судили и как бы мало они ни согласовывались с эгоистическими предрассудками господствующих классов, составляют результат добросовестных и долголетних исследо-

ваний. А у входа в науку, как и у входа в ад, должно быть выставлено требование:

Qui si convien lasciare ogni sospetto;
Ogni viltá convien che qui sia morta [49].
(Здесь нужно, чтоб душа была тверда;
Здесь страх не должен подавать совета.)

Пер. М. Лозинского

[1] См. также работу автора: Der Philosoph, die Philosophie und die Kritik: Reflexionen über Entwicklungen, Zustände und das Mögliche // Dialektik 11, «Wahrheiten und Geschichten: Philosophie nach'45». Köln, 1986. S. 26—44; я возвращаюсь здесь к пассажам этого изложения.

[2] *Ganguilhem G.* Idéologie et rationalité dans l'histoire des sciences de la vie // Nouvelles études d'histoire et de philosophie des sciences. 2e éd. rev. et corrigée. P., 1981. P. 35—36.

[3] См. более обстоятельный анализ, принадлежащий автору: Aufklärung über Ideologie: Destutt de Tracy und Marx — Entwicklung eines wissenschaftlichen Konzepts // Dialektik 10, «Ideologie, Aufklärung über Bewusstsein». Köln, 1985. S. 23—43. Изложение истории идей дает одно из редких монографических исследований подобного рода: *Head B. W.* Ideology and social science: Destutt de Tracy and French liberalism. Dordrecht; Boston; Lancaster, 1985.

[4] Цит. по насыщенной материалом статье: *Kennedy E.* «Ideology» from Destutt de Tracy to Marx // J. Hist. Ideas. 1979. Vol. 40. P. 354. Anm. 8; эта работа была мне, к сожалению, неизвестна при написании моей собственной статьи (ср. примеч. 3).

[5] Ibid. P. 358, Anm. 32.

[6] Ibid. P. 359, Anm. 37.

[7] Цит. по: *Dierse U.* Art. Ideologie // Historisches Wörterbuch der Philosophie / Hrsg. J. Ritter, K. Gründer. Basel; Stuttgart, 1976. Bd. 4. S. 159.

[8] Ibid. S. 160.

[9] Цит. по: *Kennedy E.* Op. cit. S. 365. Anm. 76.

[10] *Hegel G. W. F.* Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie // Werke 20. Frankfurt a. M., 1971. S. 286; ср.: S. 219. Ср.: *Гегель Г. В. Ф.* Соч. М., 1932. Т. 11. С. 381.

[11] *Marx K., Engels F.* Gesamtausgabe. B., 1975. I/1. S. 53. Далее: MEGA [2]. (См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 40. С. 191—192.)

[12] MEGA [2] I/1. S. 219.

[13] Ibid. P. 332.

[14] *Marx K., Engels F.* Werke. B., 1978. Bd. 3. S. 209. Далее: MEW.

[15] MEW. Bd. 23. S. 677.

[16] Ibid. S. 94.

[17] Ibid. Bd. 2. S. 85.

[18] Ibid. S. 607 f.

[19] Ibid. Bd. 3. S. 481.

[20] Ibid. S. 46.

[21] Ibid. Bd. 13. S. 9. (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 7.)

[22] MEGA [2] II/3.2. S. 617.

[23] Ibid. S. 605. (Там же. Т. 26, ч. I. С. 281.)

[24] Ibid. S. 604. (Там же. С. 280.)

[25] См.: *Bayertz K., Knatz L., Sandkühler H. J.* Wissenschaftsentwicklung und Arbeiterbewegung: Ein Forschungsprogramm zu Geschichte und Dialektik der Wissenschaft im 19. Jahrhundert // Dialektik 3, «Arbeiterbewegung und Wissenschaftsentwicklung». Köln, 1981. S. 28—64.

[26] О развитии Марксовой теории науки, которая в столкновениях типа: философия versus наука, эмпирическая наука versus «система», аналитическая всеобщая структурная теория истории и общества versus позитивистское удвоение статус-кво, критика versus апологетика и т. д. — приобретает свой собственный про-

филь, см. более подробное изложение: Geschichte, gesellschaftliche Bewegung und Erkenntnisprozess: Studien zur Dialektik der Theorieentwicklung in der bürgerlichen Gesellschaft. B.; Frankfurt a. M., 1984. S. 135—224.

[27] Ср.: MEGA [2] I/22. S. 64; MEW. Bd. 12. S. 3.

[28] MEGA [2] I/2. S. 273. (*Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956. С. 596.)

[29] См. статьи: *Rambaldi E.* La fondazione del socialismo scientifico // Geymonat L. Storia del pensiero filosofico e scientifico. Garzanti, 1971. Vol. 5. P. 61—109; La maturià di Marx // Ibid. P. 374—407.

[30] Ср.: *Goldschmidt W.* in: Studien zur Dialektik. Köln, 1986.

[31] MEW. Bd. 3. S. 20. (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 18.)

[32] Ibid. Bd. 13. S. 624. (Там же. Т. 12. С. 718.)

[33] Ibid. P. 633. (Там же. С. 728.)

[34] MEW. Bd. 25. S. 825.

[35] MEW. Bd. 23. S. 324.

[36] Ibid. Bd. 13. S. 476. (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 498.)

[37] О дискуссии Маркса с Вейтлингом см.: *Knatz L.* Utopie und Wissenschaft im frühen deutschen Sozialismus: Theoriebildung und Wissenschaftsbegriff bei Wilhelm Weitling. Frankfurt a. M. etc., 1984. S. 17—42.

[38] MEW. Bd. 14. S. 449.

[39] Ibid. Bd. 19. S. 357; Bd. 1. S. 467.

[40] Ср.: *Tagliagambe S.* Marx: sui metodi di elaborazione del dato empirico // Crit. marxista. 1983. 21 sett. N 2/3. P. 75 ff.

[41] MEGA [2]. II/3.6. S. 2060 f.; II/3.1. S. 292—328.

[42] *Marx K.* Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie. B., 1953. S. 599 f. (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. II. С. 221.)

[43] MEGA [2]. II/3.6. S. 2060—2062. (Там же. Т. 47. С. 553—556.)

[44] Ср.: *Jungnickel J.* Bemerkungen über Wissenschaft und Naturkräfte in einem bisher in Deutsch nicht veröffentlichen Manuskript von Karl Marx // Wirtschaftswissenschaft 23. 1975. H. 6. S. 801—808.

[45] MEW. Bd. 12. S. 4. (Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 4.)

[46] Укажем, напр.: MEW. Bd. 29. S. 524; Bd. 30. S. 338, 347, 418, 424, 670; Bd. 32. S. 52 f. В качестве одного из немногих детальных разборов предлагается: *Guerragio A., Vidonit F.* Nel laboratorio di Marx: Scienze naturali e matematica. Milano, 1982.

[47] MEW. Bd. 32. S. 685.

[48] Ibid. Bd. 3. S. 274.

[49] Ibid. Bd. 13. S. 11. (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 9.)